

О первых историках Петра Великого (Заметки на полях современных изданий)

С. А. Мезин

XVIII век в России прошел под знаком петровских реформ. Уже современники преобразований признавали значение событий, свидетелями которых они были, и стремились запечатлеть их для потомков. Сам Петр I и его сподвижники – Феофан Прокопович, П. П. Шафиров, А. В. Макаров и др. – выступали в роли историков своего времени. Большое значение придавалось созданию официальной «Истории Свейской войны». Однако русским современникам преобразователя так и не удалось создать сколько-нибудь полную и завершенную историю своего времени, которая чаще всего мыслилась как история Петра Великого.

Первым, кто вознамерился описать каждый день жизни Петра Великого, был младший современник царя «новгородский дворянин» П. Н. Крекшин (1684–1763). Его опыт написания истории Петра нельзя признать вполне удачным, но сам Крекшин представляет собой любопытное явление русской историографии переходного периода. Прежде всего, он известен как автор «Краткого описания блаженных дел великого государя императора Петра Великого»¹, в котором жизнеописание царя доведено до 1706 года.

Главным делом своей жизни сам Крекшин считал составление подробных «Журналов» (общим числом – 45, приблизительно по количеству лет царствования), в которых он описывал каждый день жизни Петра I. Едва ли Крекшин закончил работу над этими «Журналами»². Во всяком случае до нас дошло лишь два тома – за 1683 и 1709 годы.

«Для скорейшего прочтения и удобнейшего вразумления» Крекшин на основе своих «Журналов»

составлял еще «Экстракты» (сокращения), благодаря которым, по словам автора, «всяк любопытствующий читатель возможет без великого утруждения великославные дела Петра Великого ведать». Впрочем, экстракты краткостью тоже не отличаются. «Экстракт» журнала за 1682 год датирован 1754 годом³ и представляет собой развернутую версию событий, изложенных ранее в «Кратком описании». Менее известен «Экстракт» журнала 1710 года (том 29), созданный Крекшиным в 1758 году⁴.

В последнее время к сочинениям П. Н. Крекшина отнесено еще одно, известное под названием «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга». Оно не раз привлекало внимание историков Петербурга, а в 1991 году было вновь опубликовано Ю. Н. Беспятым⁵. Еще с начала 1980-х годов мне приходилось работать с опубликованными и архивными текстами П. Н. Крекшина. Внимательно познакомившись с публикацией Ю. Н. Беспятого, я не мог отделаться от ощущения *déjà-vu*. Вновь оказавшись в РГАДА, я просмотрел «Краткое описание блаженных дел» и убедился, что память меня не подвела. В самом крупном сочинении П. Н. Крекшина повествование о жизни царя 1703 года прерывается заголовком «О зачатии царствующаго града Санкт-Петербурга», а далее следует знакомый текст⁶, имеющий, правда, ряд особенностей, свидетельствующих о разных стадиях авторской работы. Авторство П. Н. Крекшина в отношении сочинения «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга» было обосновано мною в диссертации 1999 года⁷, посвященной русской и французской литературе XVIII века о Петре I. Но

только в 2002 году я получил возможность познакомиться с подлинной рукописью в ОР РНБ, изучить почерк и водяные знаки, увидеть другие списки этого сочинения и окончательно утвердиться в своем мнении об авторстве Крекшина. Тогда же я поделился своими наблюдениями с хранителем рукописи Павлом Андреевичем Медведевым и посоветовал ему отметить авторство в описании рукописи. Вполне возможно, что он оставил предложения провинциального историка без внимания. Зато Ю. Н. Беспятым, с которым я поделился своей находкой, предложил мне срочно подготовить статью об авторстве сочинения для сборника «Феномен Петербурга», что мною и было сделано. Тогда же, в 2002 году, рукопись «О зачатии и здании...» была упомянута как сочинение П. Н. Крекшина в моей статье об «Анекдотах» Я. Штелина⁸. В 2003 году я выступил с докладом «Легенды об основании столицы Российской империи» в Школе высших социальных исследований в Париже (русская секция).

Пока я дожидался выхода сборника «Феномен Петербурга» (он вышел только в 2006 году⁹), в печати появились публикации петербургского историка П. А. Кротова на ту же тему¹⁰. Естественно, они привлекли мое внимание. О них, в частности, о книге «Основание Санкт-Петербурга. Загадки старинной рукописи» (СПб., 2006) мне и хотелось бы сказать несколько слов.

Живо и увлекательно автор излагает историю публикации и изучения старинной рукописи об основании Петербурга. Правда, вывод Кротова о том, что «к началу XXI века загадочная рукопись... по-прежнему строго хранит свои тайны», я разделить не могу. Во-первых, потому что братья

М. И. и В. И. Семевские уже в XIX веке догадывались о ее принадлежности П. Н. Крекшину, во-вторых, к началу XXI века уже существовала моя диссертационная работа. Конечно, П. А. Кротов не обязан знать о ее существовании. Как остроумно заметил В. О. Ключевский, диссертация – это труд, у которого один автор и два читателя.

Словно опытный «детективщик» П. А. Кротов постепенно подводит своего читателя к разгадке времени создания и авторства сочинения о начале Санкт-Петербурга. Он приводит разные мнения, высказанные ранее исследователями по этому поводу. Вот, например, московский историк О. Г. Агеева рассматривает сочинение «О зачатии и здании...» как «произведение неизвестного автора середины 1720-х гг.»¹¹. Но автор книги проявляет непростительную забывчивость и не договаривает одну важную деталь: О. Г. Агеева приводит эту датировку со ссылкой на статью... П. А. Кротова 1991 года¹². Эта же статья ввела в заблуждение и Е. А. Погосян¹³. Тогда, в начале 1990-х годов, «глубокое источниковедческое изучение» привело П. А. Кротова к выводу, что в тексте рукописи «имеются следы редактирования Петром I». Правда, автору пришлось проявить немалую находчивость, чтобы объяснить, как рукопись с собственноручной правкой царя может содержать известие о его (Петра I!) погребении. Чтобы придать своей тогдашней версии большую убедительность, П. А. Кротов не полностью привел рукописную помету XVIII века, имеющуюся на конволюте, в состав которого входит рукопись: «Сия книга из кабинета Его императорского величества *черные бумаги относятся до основания Санкт-Петербурга* и есть черные бумаги, которые поправляемы были самим Государем Императором Петром Великим». Пропустив в статье 1991 года выделенные курсивом слова, П. А. Кротов настаивал на причастности царя к созданию рукописи. Между тем союз «и» в данном случае ясно указывает на то, что черновые бумаги, относящиеся к истории Петербурга, и черновики, правленные Петром I, – это разные части конволюта. В своей новой работе автор полностью отрицает наличие автографов Петра I в сборнике. На

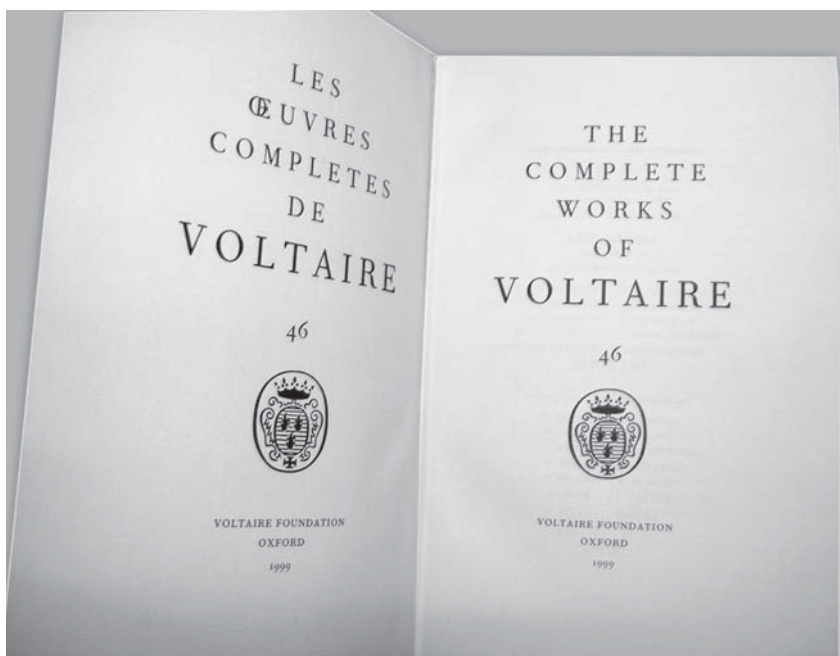
Вольтер. Рис. А. С. Пушкина, 1836 г.

этот раз он пишет: «На самом деле в сборнике нет ни одной пометы руки Петра Великого, да и быть не могло: бумага всех его рукописей относится ко второй половине XVIII века». Но царские пометы там, кажется, все-таки есть – на финансовых бумагах с филигранями Дудергофской фабрики 1721–1727 годов, составляющих четвертую часть конволюта.

Анализ водяных знаков приводит П. А. Кротова к заключению, что рукопись была создана в период с 1754 до начала 1760-х годов. Не оспаривая датировку рукописи, не

могу согласиться с мнением автора, что сочинение «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга» было создано *в последние годы жизни* Крекшина. Это мнение не учитывает тот факт, что ранняя версия сочинения, как было уже отмечено, содержится в составе «Краткого описания блаженных дел... Петра Великого», преподнесенного императрице Елизавете Петровне в 1742 году.

Несомненной заслугой П. А. Кротова является дополнение и уточнение биографии П. Н. Крекшина с помощью документов Российского государственного архива Военно-морского флота. Попытка дать общую оценку историческому и литературному творчеству П. Н. Крекшина, на мой взгляд, удалась автору меньше. Убедительно представить Крекшина как типичного автора эпических сочинений XVIII века невозможно. Многие исследователи справедливо указывали на жанровый эклектизм писаний Крекшина, включавших разнородные элементы от жития до анекдота. К сожалению, П. А. Кротов, посвятивший одну из глав своей книги рассмотрению мнений историков и литературоведов о Крекшине, не упомянул здесь не только лучшие литературоведческие работы о «новгородском баснословце», принадлежащие перу М. Б. Плюхановой, но и труды своих коллег по факультету¹⁴. Стремление поставить своего героя

Титульный лист. Т. 46. Полн. собр. соч. Вольтера (Оксфорд, 1999 г.)

в один ряд с классиками эпического жанра – Гомером, Вергилием, Вольтером – выглядит почти курьезно. Еще Е. Ф. Шмурло писал: «Крекшин и Вольтер! Что можно представить себе более несходного, противоречивого, даже уморительного при сопоставлении этих двух имен!»¹⁵. Не менее спорным является сближение П. Н. Крекшина с Н. М. Карамзиным. И тот и другой пытались соединять историю с литературой, но делали это различными способами.

Наконец, обратим внимание на то, что автор книги настойчиво пишет фамилию своего героя через букву «ё» – Крёкшин, и даже обосновывает это ссылкой на «знатоков». Но дело в том, что буква «ё» впервые была введена Н. М. Карамзиным в 1796 году, поэтому мы не можем достоверно установить, как произносилась фамилия нашего героя в XVIII веке. Некоторую возможность в этом плане может дать изучение топонимов Новгородской области, в которой имеются населенные пункты с названием «Крекшино».

В конце своей книги П. А. Кротов возвращается к вопросу, как был заложен Санкт-Петербург. Присутствовал ли Петр I на закладке города? Казалось бы, установленный автором факт авторства П. Н. Крекшина должен стать дополнительным аргументом для скептиков, отрицающих личное участие царя в закладке будущей столицы. Ведь труд Крекшина – единственный источник, где говорится о присутствии царя на Заячьем острове 16 мая 1703 года. А современники не зря характеризовали Крекшина как «вралю». Признавая вымышленный, литературный характер сочинения Крекшина, П. А. Кротов отрицает его значение как достоверного источника о начале Петербурга. Но при этом историк, как и Крекшин, настаивает на присутствии царя при основании Петербургской крепости. Не вдаваясь в полемику по этому вопросу, замечу, что в главном выводе книги можно разглядеть проявление той же ложнопатриотической тенденции, которая побуждала автора в 1991 году настаивать на причастности Петра I к рукописи сочинения «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга».

В европейском масштабе среди первых биографов Петра Великого

И. И. Голиков. Гравюра Розанова

особое место принадлежит Вольтеру (1694–1778). По таланту и известности он резко выделялся среди европейских историков, писавших тогда о русском царе, таких как Ж. Руссе де Мисси, Е. Мовийон и др. Знаменитый француз нередко позволял себе третировать своих предшественников в описании дел Петра I. Исключение делалось для Фонтенеля, автора «Похвального слова Петру Великому», – у него Вольтер позаимствовал концепцию царя-демиурга, «сотворившего новую нацию».

Петру I Вольтер посвятил существенную часть своей «Истории Карла XII» (1730–1731), а также двухтомную «Историю Российской империи при Петре Великом» (1759–1763). Гораздо меньше известно еще одно сочинение этого автора: «Анекдоты о царе Петре Великом», вышедшие в 1748 году. Вольтеровские «Анекдоты» – это несколько живо изложенных сюжетов из жизни Петра I: царь, обучающийся в Голландии и Англии кораблестроению; введение табака в России и якобы вызванное этим стрелецкое восстание; бытовые и церковные реформы Петра; история эстонской сироты, ставшей русской императрицей; дело царевича Алексея; визит Петра I в Париж. Это сочинение лишь недавно было переведено на русский язык.

Первый перевод, сопровождаемый вступительной статьей и краткими комментариями, был опубликован мною в 2001 году¹⁶. Оставлю специалистам судить о качестве публикации. Зная о том, что над

переводом исторических трудов Вольтера работает петербургский историк С. Н. Искюль, я, естественно, послал ему экземпляр сборника с моим переводом.

«Анекдоты» Вольтера в переводе С. Н. Искюля вышли в 2006 году в 10-м выпуске альманаха «Русское прошлое»¹⁷. Я с большим интересом познакомился с работой известного историка и профессионального переводчика. Естественно, я ожидал увидеть в работе С. Н. Искюля если не оценку моего перевода, то хотя бы упоминание о нем. Однако во вводной заметке публикатора со всей определенностью было сказано: «это сочинение по-русски не публиковалось». Прочитав эту фразу, я понял смысл устных извинений Сергея Николаевича, высказанных при передаче мне экземпляра альманаха.

Однако не только задетое авторское самолюбие заставляет меня высказаться об этой работе. Удивляет то, что С. Н. Искюль даже не посчитал нужным указать, какое издание «Анекдотов» легло в основу его перевода. Полагаю, что очень немногие читатели альманаха могут догадаться об этом, ибо немногие держали в руках 46–47 тома оксфордского издания Полного собрания сочинений Вольтера (1999), где наряду с «Историей» Петра I помещены и «Анекдоты»¹⁸. Комментарии, в значительной степени заимствованные из этого издания, не оставляют сомнения в том, каким источником пользовался переводчик. К сожалению, и в работе с комментариями Мишеля Мерво С. Н. Искюль допустил некоторую небрежность. Искажено написание фамилии О. де ла Моттрея, сочинением которого пользовался Вольтер. Ганноверский резидент в России Ф. Х. Вебер назван голландским резидентом. Когда комментатор говорит в частном случае о зависимости Вольтера от «Универсальной географии» И. Хюбнера, вышедшей в 1757 году, возникает недоумение: как Вольтер мог воспользоваться книгой за десять лет до ее издания. В комментариях М. Мерво по этому поводу сделано уточнение: в библиотеке Вольтера имелось французское издание 1746 года.

Вызывает определенное недоумение и то, что, издавая «Анекдоты» Вольтера, автор вступительной статьи ничего не сказал о жанровой

специфике этого типичнейшего для XVIII века сочинения. Между тем жанр анекдота, как его понимали в веке Просвещения, в последнее время привлекал пристальное внимание исследователей¹⁹. С. Н. Искюль обошел вниманием и содержательную статью Мишеля Мерво, специально посвященную «Анекдотам о царе Петре Великом» Вольтера²⁰ (ее сокращенный вариант опубликован и на русском языке²¹).

Не подвергая сомнению переводческое мастерство С. Н. Искюля, позволю себе усомниться в необходимости искусственной архаизации языка при переводе сочинения Вольтера. Старинные словечки вроде «толико», «оные», «поелику», конечно, отсылают нас к XVIII веку. Но в отличие от русского литературного языка, правила и орфография которого только складывались в XVIII веке, французский язык Вольтера был классически ясным, вполне сложившимся. Язык великого французского писателя отнюдь не был идентичен «голиковской прозе».

Наконец, признавая превосходство перевода С. Н. Искюля в одном-двух случаях, где имеются смысловые расхождения с моим текстом, не могу согласиться с его переводом фразы, касающейся судьбы последнего патриарха: «Но не верно, что царь, как о том говорили, поместил бывшего патриарха на покое в одном из скромных московских домов». Выражение «Petite-Maison de Moscou» в этом случае явно означает «Московский сумасшедший дом» (по аналогии с психиатрической лечебницей в Париже) и намекает на «Всешутейший и всепьянейший собор» царя Петра, в составе которого был шутовской «патриарх». Также не вполне оправданным кажется то, что переводчик избегает переводить глагол «civiliser» современным словом «цивилизовать». Ведь именно в середине XVIII века это слово приобретает во французском языке свое современное значение: «приобщение к цивилизации»²².

Говоря об «Анекдотах» Вольтера, отметим, что из отечественных авторов едва ли не первым обратил на них внимание Н. А. Копанев на страницах сборника «Петровское время в лицах»²³. Можно согласиться с автором сообщения, что Петр I был описан в «Анекдотах» как человек жестокий, гневный, приверженный

алкоголю, можно увидеть в этом сочинении Вольтера преувеличение исторической роли Лефорта, однако назвать это сочинение «явно антипетровским», как это делает Н. А. Копанев, все-таки нельзя.

Свобода суждений, отсутствие идеализаторских намерений и некоторый скепсис в отношении успехов «цивилизации» России чувствуются в «Анекдотах», конечно, больше, чем в «Истории Российской империи при Петре Великом». Однако, как справедливо заметил еще Е. Ф. Шмурло, вольтеровская концепция царя-созидателя, положительного героя, противостоявшего завоевателю Карлу XII, «творца своего народа» сложилась еще в «Истории Карла XII» и по большому счету никогда не менялась. Правда состоит в том, что похвала парижских авторов в адрес Петра I нередко представлялась петербургским патриотам елизаветинского времени хулой. Поэтому очень любопытным представляется приведенный Н. А. Копаневым факт: «Гнев Елизаветы Петровны после публикации «Анекдотов» был столь велик, что в Петербурге долго искали и так и не нашли чиновника, виновного в избрании Вольтера в 1746 году почетным членом Петербургской Академии наук». Жаль только, что сообщение уважаемого автора не имеет ссылок на источники.

Единственным историком XVIII века, которому удалось создать максимально полное жизнеописание Петра I, был Иван Иванович Голиков (1734–1801) – автор «Деяний Петра Великого, премудрого преобразителя России, собранных из достоверных источников и расположенных по годам» (М., 1788–1789. Ч. 1–12), которые вместе с «Дополнением к Деяниям Петра Великого» (М., 1790–1797. Т. 1–18) составляют 30 томов. В материалах конференции «Петровское время в лицах» за 2003 год помещена статья Д. Д. Зелова, посвященная автору «Деяний Петра Великого»²⁴. Хотелось бы разделить пафос автора, выступающего за признание серьезного научного значения трудов И. И. Голикова, однако проявившаяся в статье методика работы вызывает серьезные сомнения и заставляет спорить едва ли не с каждым положением автора. Бездоказательность, отсутствие в работе серьезной источниковой и

историографической базы слишком часто приводят автора к ошибочным заключениям. Вот лишь несколько примеров.

Автор называет своего героя «курским негоциантом», но И. И. Голиков, хотя и был записан в курское купечество, уже с начала 1760-х годов принадлежал к богатой, политически активной части столичного купечества, имеющей широкие культурные интересы. Крупные предприниматели, государственные деятели, писатели, переводчики составляли круг общения братьев Голиковых, распоряжавшихся миллионными капиталами.

Д. Д. Зелов (и не он один) слишком доверчиво относится к уничижительной самооценке Голикова, любившего повторять, что он человек «неученый» и не имеет «дерзости присвоить себе имя историка». Сегодня говорить о том, что Голиков «никогда не был и не стремился стать профессиональным историком», по меньшей мере не исторично, ибо крупнейшие русские историки второй половины XVIII века – М. М. Щербатов и И. И. Болтин также были самоучками и дилетантами и в этом смысле отличались от Голикова лишь знанием иностранных языков. Как писал В. О. Ключевский, «в то время, чтобы быть студентом русской истории, необходимо было стать для самого себя профессором этого предмета»²⁵. Другой вопрос, как далеко эти русские самоучки XVIII века продвигались в своей работе по сбору, систематизации и критике источников, по осмыслению исторических событий. Этот вопрос в отношении 30-томного сочинения Голикова Д. Д. Зелов лишь едва наметил, констатируя житейные приемы и старомодный провиденциализм историка. Автор статьи не проявил ни малейшего желания опереться на наблюдения других исследователей. По его словам, труды Голикова «практически не становились объектом изучения». Это утверждение далеко не соответствует действительности. Кроме моей монографии, вышедшей в 1991 году²⁶, Голикову в разное время были посвящены (целиком или частично) работы Е. Ф. Шмурло, И. Л. Фейнберга, А. И. Фейнберга, В. М. Былова, В. С. Листова и

Н. А. Тарховой, А. Т. Николаевой, М. Б. Плюхановой, Н. Рязановского, А. Ю. Самарина, А. Н. Котлярова и Г. Н. Можяевой, А. Нефедова²⁷, и др. Кстати, некоторые ошибочные пассажи из популярной статьи А. Нефедова, кажется, перекочевали в работу Д. Д. Зелова.

Исследователи по-разному оценивают научный уровень трудов И. И. Голикова. Известный историк Е. В. Анисимов без долгих разбирательств объявил Голикова графоманом и сумасшедшим (в качестве диагноза указано: «любовь» к Петру I)²⁸. Я же в результате изучения десятков томов «голиковской прозы» вслед за А. Т. Николаевой склоняюсь к мнению, что И. И. Голиков за многие годы работы над жизнеописанием Петра I прошел путь от доверчивого студента до умудренного профессора, конечно же, по меркам XVIII века.

Неточное название главного голиковского труда (Голиков называл Петра *преобразителем*), ничем не обоснованное утверждение, что именно А. Р. Воронцов внес имя И. И. Голикова в «список» амнистируемых по случаю открытия «Медного всадника», утверждение, что Голиков работал над своим сочинением только в сельце Анашкино, — это лишь некоторые из мелких огрехов работы Д. Д. Зелова. Вслед за А. Нефедовым, А. Н. Котляровым и Г. Н. Можяевой Д. Д. Зелов утверждает, что голиковское собрание книг и рукописей перешло В. Н. Каразину, а затем в Древлехранилище М. П. Погодина. На самом деле, большая часть голиковского архива погибла в огне пожара в имении

потомков историка²⁹. В составе Древлехранилища Погодина и в некоторых других архивах, к сожалению, сохранились лишь единичные документы Голикова.

Ошибочным является утверждение Д. Д. Зелова (как и некоторых других авторов) о том, что труд Голикова «получил высочайшее одобрение Екатерины II». Имени императрицы не было среди подписчиков на «Деяния» и «Дополнение». По этому поводу сам историк, нуждавшийся в материальной поддержке, с горечью писал: «песни русские и сказки многие напечатаны на счет казны, в пользу издателей, ... многие стихотворцы за одну оду, из нескольких строк состоящую, получили и получают награды, и напротив того на мои труды и сколько не обращено внимания, чтобы сравнить их с сказками...»³⁰.

Сомнение вызывает утверждение Д. Д. Зелова, что как историк И. И. Голиков шел по пути древнерусских летописцев и агиографов. Несомненная идеализация Голиковым своего «Ироя» еще не означает, что 30-томное сочинение создано по житийному канону. Это положение необходимо доказать. Сравнение подходов Голикова с методами П. Н. Крекшина свидетельствует о том, что историк второй половины XVIII века уже отошел от традиций древнерусской литературы. Кроме того, панегирист Голиков отнюдь не замалчивал неудобных сторон деятельности царя, он брался за обсуждение таких вопросов петровского царствования, цитировал такие оцен-

ки царя, которые русская цензура не пропускала и в середине XIX века.

Не отрицая элементов провинциализма в исторических взглядах автора «Деяний», следует со всей определенностью сказать, что в целом исторические сочинения Голикова не были «созданы в духе средневекового провиденциализма». Доказательства, приведенные Д. Д. Зеловым в пользу этого мнения, являются плодом недоразумения. Автор приписал И. И. Голикову взгляды протоиерея П. А. Алексеева и П. Н. Крекшина. В своей книге «Сравнение свойств и дел Константина Великого с свойствами и делами Петра Великого» (М., 1810) Голиков критиковал записку Алексеева на эту тему и пришел к вполне рациональному выводу, что «сии два государя не могут ... один с другим в сравнении быть»³¹.

Заклучая этот ряд «сердца горестных замет», хотелось бы сказать, что в современной историографической ситуации, когда, с одной стороны, российская наука становится частью мировой, а с другой стороны, растет поток малотиражных публикаций, которые не всегда доходят до библиотек и специалистов, вопрос о научной этике исследователя приобретает особое значение. Отсутствие официальной цензуры и тематических ограничений с новой остротой ставят проблемы внутренней цензуры автора, его ответственности перед читателями и коллегами. Локальная ограниченность и провинциальное самодовольство совсем не к лицу историкам Петербурга — города, который всегда был открыт стране и миру.

¹ РГАДА. ГА. Ф. 17. Д. 167. Это наиболее изученное сочинение П. Н. Крекшина. О нем см.: Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 48–49, 53–64 (прим.); Николаева М. В. Из истории русской повествовательной литературы первой половины XVIII века («Сказание о Петре Великом» П. Н. Крекшина) // Учен. зап. Лен. гос. пед. ин-та им. Герцена. 1958. Т. 170; Колосова Е. В. К проблеме традиции древнерусской исторической повести в литературе XVIII века («Сказание» П. Н. Крекшина о Петре I как последний этап развития исторической повести XVII века) // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; Плюханова М. Б. «Историческое» и «мифологическое» в ранних биографиях Петра Первого // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979; Ее же. История юности Петра I у П. Н. Крекшина // Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1981. Вып. 513; Ее же. К проблеме изучения историографического наследия П. Н. Крекшина // М. В. Ломоносов и русская культура. Тезисы докладов конференции. Тарту, 1986.

² Г. Ф. Миллер сообщал, что крекшинская история Петра, написанная в форме дневника, состоит из пятнадцати фолиантов. См.: Пекарский П. П. История имп. Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 344.

³ ОР РНБ. Погодин. № 1731.

⁴ ОР РНБ. Ф. IV. № 864.

⁵ Беспятовых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. Приложение 2. С. 258–262.

⁶ РГАДА. ГА. Ф. 17. Д. 167. Л. 399 об.—404 об.

⁷ Мезин С. А. Петр I в общественной мысли XVIII века: Россия и Франция: Автореф. дис... д-ра ист. наук. Саратов, 1999. С. 14.

⁸ Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII в. // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 51.

- ⁹ Мезин С. А. Об авторстве сочинения «О зачатии и здании царствующаго града Санктпетербурга» // Феномен Петербурга. Труды Третьей Международной конференции, состоявшейся 20–24 августа 2001 года во Всероссийском музее А. С. Пушкина / Отв. ред. Ю. Н. Беспярых. СПб., 2006. С. 289–307.
- ¹⁰ Кротов П. А. Начало Санкт-Петербурга: тайны старинной рукописи // Меншиковские чтения – 2005. СПб., 2005. С. 66–95; Кротов П. А. Основание Санкт-Петербурга: загадки старинной рукописи. СПб., 2006.
- ¹¹ Агеева О. Г. «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 60–61, 266–267.
- ¹² Кротов П. А. Рождение Балтийского военно-морского флота // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 211–213.
- ¹³ Погосян Е. А. Петр I – архитектор российской истории. СПб., 2001. С. 232–233.
- ¹⁴ Кривошеев Ю. В., Фещенко Л. Г. Некоторые древнерусские источники повести о начале Петербурга // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX века). Тез. докл. конф. М., 1992. С. 35–37; Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В. Древнерусские источники повести о начале Петербурга // Петербургские чтения. К юбилею города. Тез. докл. конф. СПб., 1992. С. 51–54.
- ¹⁵ Шмурло Е. Ф. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁶ Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом / Пер. с фр., коммент. и вступ. ст. С. А. Мезина // Историографический сборник. Саратов, 2001. Вып. 19. С. 184–199.
- ¹⁷ Вольтер. Анекдоты о царе Петре Великом / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Искюля // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. СПб., 2006. Кн. 10. С. 7–26.
- ¹⁸ Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1999. Vol. 46. P. 51–84.
- ¹⁹ Курганов Е. Анекдот как жанр. СПб., 1997; Чекунова А. Е. Появление исторического анекдота в России // Вопросы истории. 1997. № 2; Никанорова Е. К. Исторический анекдот в русской литературе XVIII века. Анекдоты о Петре Великом. Новосибирск, 2001; Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явление русской историографии XVIII века // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20, и др.
- ²⁰ Mervaud M. Les Anecdotes sur le czar Pierre le Grand de Voltaire: genèse, sources, forme littéraire // Studies on Voltaire and eighteenth century. 1996. Vol. 341.
- ²¹ Мерво М. «Анекдоты о царе Петре Великом»: генезис, источники и жанр // Вольтер в России. М., 1999.
- ²² Например: Годжи Д. Колонизация и цивилизация: русская модель глазами Дидро // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004.
- ²³ Копанев Н. А. Петр I и Ф. Лефорт в исторических сочинениях Вольтера // Петровское время в лицах. СПб., 1998. С. 23–25.
- ²⁴ Зелов Д. Д. «Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России» И. И. Голикова (к вопросу об обстоятельствах создания и современном научном значении) // Петровское время в лицах – 2003. СПб., 2003. С. 52–59.
- ²⁵ Ключевский В. О. Сочинения: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 235.
- ²⁶ Мезин С. А. Русский историк И. И. Голиков. Саратов, 1991.
- ²⁷ Шмурло Е. Ф. Петр Великий в оценке современников и потомства. СПб., 1912. С. 91–95, 95–97 (прим.); Фейнберг И. Л. Читая тетради Пушкина. М., 1985. С. 10–120; Фейнберг А. И. Заметки о «Медном всаднике». М., 1993; Былов В. М. «Деяния Петра Великого» И. И. Голикова как материал для изучения фольклора XVIII века // Русский фольклор. Материалы и исследования. М.; Л., 1959. Т. 4; Листов В. С., Тархова Н. А. Труд Голикова «Деяния Петра Великого» в кругу источников трагедии «Борис Годунов» // Временник Пушкинской комиссии. 1980. Л., 1983; Тархова Н. А. «Благородный и простодушный труд Голикова» // Альманах библиофила. М., 1984. Вып. 16; Николаева А. Т. Вопросы источниковедения в трудах И. И. Голикова, посвященных Петру I // Труды Моск. Гос. историко-архивн. ин-та. Т. 24. Вып. 2. М., 1966; Плюханова М. Б. Голиков Иван Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1; Riasanovsky N. V. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York, Oxford, 1985. P. 43–44; Самарин А. Ю. Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков). М., 2000. С. 171–173; Курские купцы Голиковы: От монастырских бобылей до потомственных дворян. СПб., 2003; Котляров А. Н., Можаява Г. В. Иван Иванович Голиков (1734–1801) // Историки России XVIII–XX веков. М., 1996. Вып. 3. (Архивно-информационный бюллетень. № 14); Нефедов А. Деяния Ивана Голикова, курского купца и звенигородского отшельника // Памятники Отечества. № 31 (1994. № 1–2).
- ²⁸ Петр Великий. Воспоминания. Дневниковые записи. Анекдоты. М., 1993. С. 367, 369.
- ²⁹ Лосиевский И. Я. Судьба голиковского собрания // В мире книг. 1982. № 4.
- ³⁰ Архив князя Воронцова. М., 1880. Кн. 24. С. 237.
- ³¹ Мезин С. А. Русский историк И. И. Голиков. С. 66–67.

Солдаты тоже люди Даниил Гранин о немецком романе «Маленький Кваст»*

Ю. М. Лебедев

В 2004 году немецкий писатель Хассо Стахов обратился ко мне с необычной просьбой. Переиздавался его роман «Маленький Кваст», где он рассказывал о себе в третьем лице, как о солдате немецкой 18-й армии, воевавшем под Ленинградом. Стахов хотел, чтобы предисловие к новому изданию романа написал Даниил Гранин, автор «Блокадной книги», сам сражавшийся с немцами в народном ополчении у стен Ленинграда.

Просьба эта, признаюсь, поставила меня в тупик. Я сразу же решил, что она несбыточна, в первую очередь потому, что этот роман никогда прежде не издавался на русском языке. В Европе, Америке его хорошо знают с 80-х годов, именно тогда он вызвал большой международный резонанс своей антивоенной направленностью. Но в Советском Союзе он был невозможен, поскольку автор был из капиталистической Западной Германии, явно не посыпал голову пеплом, описывая боевые действия под Ленинградом, то есть не раскаивался. Книга была направлена против войны, но она одновременно защищала немецкого солдата, ставшего инструментом преступной политики Гитлера. Более того, Стахов заявлял, что выполнял свой солдатский долг до конца: сначала в силу убеждения в правоте приказа, а затем просто потому, что этот приказ никто не отменял. Хотя Советского Союза уже не было почти 15 лет, тем не менее идеология этого периода о немецких солдатах, как о фашистах, еще прочно сидела в головах, в первую очередь людей старшего поколения. Для книги Стахова время еще не пришло.

Но была и еще одна причина чисто технического характера. Как

мог Гранин написать предисловие к книге, которую он не читал, да и прочитать не мог, поскольку не владеет в достаточной степени немецким языком?

Я попытался было довести все эти доводы до Хассо Стахова, но тот упорно настаивал на своем. Мнение Даниила Гранина было для него определяющим среди других русских людей. На его рассказ «Пленные» Стахов ссылаясь в другой своей книге «Трагедия на Неве», то есть он знал и высоко ценил творчество нашего питерского писателя.

Возможно, я бы так и не уступил его просьбе, но Стахов сразил меня одним своим аргументом. Он рассказал, почему пришел к написанию романа «Маленький Кваст». В 70-х годах он выступал в одной из вузовских аудиторий Германии. Все шло хорошо до того момента, пока разговор со студентами не коснулся войны. Немецкая молодежь к тому времени была сильно наэлектри-

зована идеей всегерманского покаяния за преступления военного поколения. В памяти у всех незабываемым оставался акт преклонения коленей канцлером Германии Вилли Брандтом у стен Варшавского гетто в 1970 году. Многие писатели, такие, как Гюнтер Грасс, эту идею покаяния активно подняли на щит в своих произведениях. Поколение отцов стали напрямую называть преступным. Поэтому студенты с ходу задали Стахову вопрос, какого года рождения он был? Стахов ответил: 1924 года. После этого между ним и аудиторией возникла стена враждебности. Не помогли никакие аргументы. Студенты не желали его слушать. Для них он был солдатом-нацистом.

И тогда Стахов решил ответить им книгой. Так возник роман «Маленький Кваст». Этот аргумент стал для меня определяющим, поскольку роман я читал и был под большим впечатлением от него. Были даже мысли его перевести, но отпугивало то, что литературным переводом

* Иллюстрации к статье – Н. И. Шарф.

на тот момент я вообще не владел. Был, правда, профессиональным переводчиком, но военным, а не литературным.

Даниила Александровичу звонил я в этот раз без особого на то желания. Почему-то был убежден, что он меня отбреет, сказав, что само по себе предложение нелепое. Но в очередной раз Гранин изумил меня своей непредсказуемостью. Просто сказал: «Приезжайте и расскажите мне об этой книге». Здесь необходимо небольшое дополнение. Дело в том, что со Стаховым Гранин к тому времени уже был знаком. Не лично, а через его другую книгу под названием «Трагедия на Неве». В переводе по главам я посылал ему из месяца в месяц рукопись. Видимо, книга его заинтересовала, равно как и сам ее автор. Теперь уже Гранин поставил меня в тупик своим предложением. Как можно пересказать книгу за какой-то час? А вдруг я что-то не так в ней понял и навяжу свое ошибочное восприятие известному писателю. Надо было как-то выходить из этой щекотливой ситуации. Решил еще раз перечитать роман уже с карандашом в руке, стараясь найти в нем наиболее значимые смысловые места. Мне кажется, что это в конце концов удалось. Выбрав два из таких эпизодов, я перевел их и на встречу с Граниным шел уже более уверенно.

Тут необходимо еще одно отступление. Думаю, со мною согласятся те, кто имел счастье, а именно так я бы хотел определить это чувство, гулять с Даниилом Граниным. Я специально употребляю слово «гулять», так как именно его осо-

бенно вкусно выговаривает Гранин в таких случаях. Это его слово. Для меня такие прогулки с ним это одновременно наслаждение и мучение. Первое – это радостное чувство от того, что общаешься действительно с великим человеком, обогащаясь ежеминутно от него. Но с другой стороны, он буквально выворачивает тебя наизнанку своими вопросами, и ты, сам того не осознавая, раскрываешься перед ним в том аспекте, который ему необходим на данный момент.

В этот раз Гранин прогулял меня до галантерейного магазина в сторону «Авроры». Петроградская сторона, где он живет уже многие годы, одно из любимых мест его Петербурга. Большинство из нас ходят по этим улицам, не замечая их очарования. Гранин гуляет с наслаждением. И это чувство, когда идешь вместе с ним, вдруг передается и тебе. Во всяком случае, со мною так бывало всегда. За те полчаса, что мы шли до магазина то ли за рубашкой, то ли за носками: точно не помню, знаю, что ничего Гранин так и не купил, он терпеливо, не прерывая меня ни словом, выслушивал мой страстный гимн в защиту «Маленького Кваста». На обратном пути говорил уже он, но на другие темы, с романом было покончено. На прощание перед его домом я передал ему несколько листов с двумя переведенными эпизодами. На том с ним и расстался, так и не получив ответа на просьбу Стахова. Я понимал, что, видимо, мой рассказ не впечатлил Даниила Александровича, поэтому надежда оставалась

только на содержание эпизодов. Вот что в них было.

Эпизод первый

Однажды после обеда Хаберле отдал распоряжение: «Через час пьянка. Форма одежды – белый смокинг ценителя спиртного».

Это означало, что они должны были вывернуть на грязно-белую сторону свои маскхалаты. Были открыты банки сардин, нарезан хлеб и сало. На стол поставлены персики, вымоченные в водке, а также дявольский напиток под названием «Яд из дремучего леса».

В качестве гостей были приглашены: обер-ефрейтор Михель, «поскольку он образцово научил ефрейтора Кваста стрелять из пулемета «МГ-34», и тому удалось подавить пулеметное гнездо русских». Кроме него был приглашен один из командиров разведгруппы из второй роты в награду «за его высказывание о том, что благодаря разведанным группы перехвата телефонных переговоров уцелело не менее полуроты солдат». Хассель сам лично разнес и вручил эти приглашения.

Ближе к вечеру все сели за стол. Начало было положено стаканом водки. Затем Хеберле открыл так называемое «слушание Дела». Сперва были распределены роли: Хеберле был судьей, Хассель и Занд – присяжными, Хапф – обвинителем, а Кваст – защитником. Переводчики выступали свидетелями, а гости – публикой. Обвиняемый отсутствовал. Это был русский Иван. Причина его отсутствия была признана уважительной: «вследствие труднопреодолимых условий местности». Его интересы представлял Кваст.

Обвинение гласило: Иван преднамеренно мешает пребыванию на свежем воздухе в летнее время. Он препятствует приему пищи в установленные часы, легкомысленно обращаясь при этом со своим оружием. Он производит бессмысленный шум. Коварно использует дявольскую силу десятков миллионов большевистских комаров, которые в летнюю пору посягают на самое ценное, что только есть в мире: на немецкую кровь!

Чем больше было выпито, тем бессмысленнее становились изречения, которые во всю силу своих легких выкрикивали представители

болотной юстиции. Аргументы Кваста в оправдание действий русских воспринимались обвинителем как государственная измена. Публика и присяжные почти падали со скамеек от смеха и восторга. Хеберле с ревом нападал на Хапфа: «Если вы и дальше будете так неуклюже выдвигать свои обвинения, то я оправдаю Ивана, и мы все пойдем домой!» На это фельдфебель еле разборчиво лепетал: «Это хорошо. Так ли нам нужен этот Ленинград? Давайте спросим честно, что мы вообще забыли в этой России?» Занд поучительно заметил: «Водку!»

Хеберле набросился с упреками на Кваста: «При чем тут Бисмарк? И Йорк? Вы прибегаете к пропагандистским лозунгам в защиту Красной армии, вы комиссар!» А Хассель угрожающе воскликнул: «Что подумает о вас фюрер, товарищ Квастов?» Михель заорал: «Я не вижу никакого фюрера. Кто-нибудь видит здесь фюрера? Я полагаю, что он ищет свою войну. Но он даже в самом дерьмовом месте не в состоянии ее отыскать!» Ливен закричал: «Ты сказал, что он ее потерял?» На это Михель: «Я? Это сказал ты сам своим языком без костей! Ребята, дайте Ливену что-нибудь выпить, пока глотка у него еще работает!»

Наконец Хеберле вынес решение относительно Ивана: «Наш собрат по болотной жизни приговаривается к запрету на стрельбу. Он должен немедленно представить нам своих телефонисток!» С этими словами Хеберле, качаясь, поднялся, криво нахлобучил на голову пилотку и, пробурчав: «Я скажу ему это сам», вывалился за дверь.

Кваст быстро бросил изумленной пьяной компании: «Так мы его здесь враз потеряем, если вовремя не остановим!» Шатаясь, они вывалились друг за другом наружу. Хеберле взобрался на крышу блиндажа. Теперь он стоял там, выпрямившись с расставленными руками, и собирался начать речь. Хассель и Кваст рванули его за ноги. Как мешок он свалился в проход. С улюлюканьем один за другим они попадали вслед за ним в узкую траншею. И в то же самое время по меньшей мере три пулемета открыли по ним огонь. Икая, Хеберле, пробормотал: «Иван нарушил правила игры. Полное бескультурье!»

Эпизод второй

...Перед входом на пост охранения из грязи торчит высокий пенёк. Раздатчик еды, неотесанный, глуповатый парень, бросает на него термос с едой и открывает крышку. На дне лежат порции бутербродов с тонким слоем маргарина, на зато на них положена толщиной в палец бледно-розовая «резиновая» колбаса. Раздатчик кричит: «Можно брать по три порции. Теперь еды хватит на всех».

Кваст чувствует растущую тошноту и ярость. Не потому, что этот парень с таким циничным равнодушием воспринимает потери последних часов. И не из-за того, что эта еда не вызывает у него аппетита.

Но всего лишь в нескольких метрах от пня, раскинув руки, лежит убитый солдат из русской штурмовой роты, которой удалось прорваться до самой железнодорожной насыпи, где она все-таки была остановлена убийственным огнем оборонявшихся немецких солдат. Гренадеры обороняли насыпь также и с обратного ее ската, ведя огонь из замаскированных амбразур, устроенных в лесных укрытиях.

Кваст медленно отодвигает в сторону кусок «резиновой» колбасы и в оцепенении смотрит на русского. Перед ним лежит юноша с прекрасным утонченным профилем. Светлые густые волосы покрыты запекшейся кровью. Тонкий нос кажется прозрачным. Пустые глаза направлены на розовато-синее вечернее небо, по которому медленно плывут белые облака, напоминающие своими очертаниями корабли.

Узкие детские пальчики все еще судорожно охватывают винтовку с грубо обтесанным прикладом. Жук осторожно, на ощупь пробирается через бледно-желтую ушную раковину. Губы выглядят блеклыми на фоне контрастной белизны лица, верхняя губа немного приподнята. Квасту кажется, что он ощущает то упоение, которое испытывал юноша в момент броска через насыпь. Гордость от чувства, что он первым ворвется на немецкие позиции. Ужас в тот момент, когда он внезапно осознал, что вместе с другими своими товарищами попадет под перекрестный огонь. В последний миг понимание предстоящей смерти.

Кваст видит себя самого, лежащего там. Он думает: русский выглядит, как любой из моих одноклассников, так, будто я вместе с ним ходил в школу и мы вместе играли в футбол. Кроме военной формы, их ничего более не отличает.

Русские являются недочеловеками? Те, что сейчас сидят в Германии, не имеют об этом ни малейшего представления, продолжает размышлять Кваст. Его охватывает горечь, к которой примешивается злость. И когда он, стиснув зубы, идет к себе в блиндаж и молча садится у стены, то не может избавиться от мучительного вопроса, а правильно ли он все оценивает? Этот юный русский ему намного ближе, чем такое дерьмо, как господин полковник Гайершнабель, господин обер-лейтенант Эльберг, господин штабс-вахтмейстер Шак или господин хауптвахтмейстер Бригель.

Граница понимания всего этого находится не на переднем крае

боевых действий. Реальная граница проходит совсем в другом месте.

Через несколько дней раздался телефонный звонок. Гранин, как всегда, был конкретен: «Приезжайте, я подготовил предисловие». По своей военной привычке, как бывший офицер информационно-аналитических структур, ехал я на эту встречу подготовленным. Взял с собой не только бумагу для записи, но и диктофон. Как оказалось, не зря. Даниил Александрович усадил меня в кресло, сел напротив, и сразу же приступил к делу. Никакого текста не было. Гранин просто размышлял вслух. По существу он вел беседу, но не со мной, а со Стаховым. Это был их разговор, в котором мне была отведена роль летописца и переводчика. Вот что сказал солдат Второй мировой войны своему бывшему недругу и сегодняшнему соратнику-гуманисту по писательскому ремеслу:

«Воспоминаний немецких солдат о Второй мировой войне написано множество. Среди них есть книги и тех, кто участвовал в блокаде Ленинграда: кто стрелял по городу и кто бомбил его в течение 1941–1944 годов.

Книга Хассо Г. Стахова «Маленький Кваст» была для меня особенно интересной, потому что он воевал примерно на том же участке фронта, что и я, но с другой стороны.

Но не это главное. Признаюсь, что я и до Стахова встречал и в

литературе, да и в жизни немцев, которые стояли напротив наших позиций, стреляли в нас, так же как и мы в них.

Книга Стахова была для меня замечательной не просто этим совпадением. Пожалуй, впервые я столкнулся с тем, что немецкий солдат, который был для меня мишенью, всего лишь врагом, — оказался к тому же и человеком. Он размышляет, старается понять, что это за война, зачем она нужна, в том числе и лично ему. Там, на той стороне тоже смеются, отпускают шутки по поводу Ивана, как и мы шутили по поводу Фрица. Мерзнут до обморожений, пишут письма, ждут их от родных и близких.

Чем дальше читаешь, тем больше это сходство завораживает. Сейчас, спустя 60 лет после той войны, может быть, это открытие покажется не столь уже большим откровением. Но в нашей советской и постсоветской литературе мы никогда не пытались увидеть в немецком солдате человеческое существо, столь схожее с нашей солдатской жизнью. Те же чувства, те же невзгоды и ту же страдающую плоть.

Может быть, еще лет тридцать назад я бы не воспринял подобный рассказ так, как воспринимаю сегодня. Это не примирение, это скорее понимание. И еще это узнавание. Через героя книги я вспоминаю и себя, узнаю и свои фронтовые будни.

Отчасти, конечно, чудо, что мы оба, рядовые солдаты, выжили, уцелели в этой мясорубке.

Именно солдатское мировосприятие той войны под Ленинградом для меня особенно важно. Рядовой солдат, такой же, как и я, зачастую вынужденный служить лишь пушечным мясом — это сходство особенно удивляет. Конечно, при всей непримиримости, во всяком случае моей, к тем оккупантам, которые обрекали Ленинград на голодную смерть.

Оказывается, у немецких солдат были жены, матери, была любовь, тоска. Там были не только нацисты. Там были жертвы. Они погибали так же, как умирали мои однополчане, так же в ужасе прижимались к земле во время артиллерийских обстрелов. Пусть к чужой земле, но ища у нее защиты.

Стахов был добровольцем, так же как и я. У нас была разная идеология. Но если бы нас обоих убило, наши кости одинаково гнили бы под Ленинградом.

Наверное, наш страх и ужас перед летящим снарядом был тоже одинаков.

Я думаю, что такие книги, как «Маленький Кваст», нужны и сегодня. В них дорого общечеловеческое начало. И тот давний вывод, который никак не может усвоить человечество: захватнические войны — бессмысленны».

В 2005 году роман «Маленький Кваст» вновь появился на прилавках книжных магазинов Германии. На этот раз с предисловием знаменитого русского писателя. Для меня этот факт стал еще одной Акцией примирения в мучительном процессе преодоления вражды между нашими странами, которая на долгие годы ненавистью разделила поколения людей, воевавших между собой.

Книга эта стоит у меня дома на видном месте. Она словно призывает своим присутствием: «Может быть, ты все-таки решишься на перевод? Ведь первый шаг предисловием Гранина уже сделан. По существу, он благословил тебя на это начинание».

Возможно, в скором времени это действительно произойдет. Желание, во всяком случае, становится все более острым.

Памяти В. К. Шуйского

В. Е. Павлов

7 января 2008 года на 69 году жизни перестало биться сердце неутомимого исследователя и знатока архитектуры Санкт-Петербурга Валерия Константиновича Шуйского.

Перу В. К. Шуйского принадлежат монографии и статьи, опубликованные в разных источниках, посвященные зодчим А. Захарову, В. Бренне, О. Монферрану, А. Штакеншнейдеру, Тома де Томону, К. Росси, Л. Кленце, трем Адамини.

Особенно значительной стала его монография, изданная в 2005 году, – «Огюст Монферран. История жизни и творчества» (см. рецензию «Славный и незабвенный Огюст Монферран» в журнале «История Петербурга». № 4 (32). 2006 г.).

В. К. Шуйский закончил Военно-механический институт в Ленинграде, получив диплом инженера, а затем Академию художеств (Институт им. Репина), став специалистом в области истории архитектуры. Много лет он работал в Научно-исследовательском музее Академии художеств. Изучив малоизвестные страницы деятельности крупных зодчих, их замыслы и реализованные проекты, В. К. Шуйский

защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата искусствоведения. Это позволило ему окунуться в сферу архитектуры Санкт-Петербурга XVIII – первой половины XIX века.

Живой, образный язык, проникновение в тончайшие формы зодчества, точные и содержательные определения и характеристики архитектурных элементов сооружения, показ каждого шедевра архитектуры в его историческом развитии, объективная оценка личности и значения того или иного архитектора в области архитектуры – все это характеризует В. К. Шуйского как непревзойденного изыскателя и оригинального мыслителя нашего времени. Отдавая должное своему любимому архитектору О. Монферрану, В. К. Шуйский на основе многочисленных материалов организовал в 1986 году выставку, посвященную 200-летию со дня рождения зодчего.

В 1986 году он побывал во Франции и подвиг специалиста по франко-русским культурным связям Б. Н. Лосского на поиски могилы О. Монферрана. Удалось точно установить, что зодчий был захоронен на Монмартрском кладбище рядом с матерью, умершей еще в 1823 году, а памятник на могиле матери по проекту Монферрана был сооружен в 1830-х годах.

О многообразии деятельности О. Монферрана и его способностях как зодчего, рисовальщика, акварелиста, медальера и коллекционера В. К. Шуйский рассказывал с огромным воодушевлением на различных конференциях и семинарах, на презентациях книг и защитах диссертаций по истории архитектуры.

Увлеченный неповторимой архитектурой нашего города, В. К. Шуйский подготовил своеобразный путеводитель по 30 дворцам города, опубликованный на русском и английском языках совсем недавно – в 2006 году – «Императорские дворцы Санкт-Петербурга». Это издание дает широкий и профессионально отработанный материал для экскурсоводов и любителей архитектуры второй столицы России.

Неожиданный уход из жизни В. К. Шуйского – невосполнимая потеря для занимающихся изучением зарождения и развития архитектурного облика Санкт-Петербурга, поиском материалов по истории жизни и деятельности зодчих города на протяжении трех столетий его существования.

В. К. Шуйский похоронен на Казанском кладбище г. Пушкина после отпевания в Софийском соборе, историю создания которого перед его реставрацией досконально изучил В. К. Шуйский, помогая православной церкви.

Наследие В. К. Шуйского – его монография, статьи, научные разработки, богатый архив, память его родных, друзей и почитателей.

Последний опубликованный материал, подготовленный В. К. Шуйским – его предисловие к четвертому изданию художественно-исторического романа И. А. Измайловой «Собор», увидевшего свет в 2007 году. Часть его работ осталась незавершенной.